

4. Истоки IV: Мисс Б. Абцуг

Никакого отношения к сенатору, говорила она. Что было почти что правдой. Ее звали Бонни, и была она из Бронкса, а не из Бруклина. Далее, она была наполовину БАСП (белым англосаксонским протестантом); девичья фамилия ее матери была Мак-Комб. Именно благодаря этой линии ее наследственности, вероятно, ее длинные, пышные, роскошные волосы цвета темной патоки отливали медью. Они сверкали, струясь великолепными волнами от макушки головы до выпуклых ягодиц. Абцуг было двадцать восемь лет. Она обучалась танцам и впервые приехала сюда, на Юго-восток, семь лет назад с балетной труппой своего колледжа. Она влюбилась — с первого взгляда — в здешние горы и пустыню, дезертировала из своей труппы, осталась в Альбукерке и продолжала учебу в здешнем университете. Окончив его с отличием, она попала в мир безработицы, продуктовых карточек и квартир в подвалах. Она работала официанткой, стажером кассира в банке, танцовщицей — исполнительницей популярных современных танцев, регистратором у разных врачей. Сначала — у психиатра по фамилии Эвилсайзер, затем — у уролога по фамилии Гласкок, потом — у общего хирурга по фамилии Сарвис.

Сарвис был лучшим из этого печального списка. Она проработала с ним вот уже три года и все еще оставалась с ним в различных качествах: клерка в офисе, медсестрой-сиделкой и шофером (он был не способен вести машину в перегруженном городском уличном движении, однако превосходно управлялся дома со скальпелем и хирургическими щипцами, ковыряясь в чужом желчном пузыре или удаляя халазион с внутренней стороны века). Когда жена доктора погибла в нелепой авиакатастрофе — самолет развалился во время взлета с аэродрома О'Хейр, — она видела, как он спотыкался, лунатически бродя по офису и больничной палате, пока однажды он не обернулся к ней с вопросом. С немым вопросом — в глазах. Он был на двадцать один год старше нее. Его взрослые дети жили отдельно.

Мисс Абцуг утешила его, как могла, — а могла она много; однако отказала ему, когда он сделал ей предложение через год после катастрофы.

Она предпочитает (сказала она) относительную независимость (думала она) женской незамужней жизни. Хотя она часто жила с доктором в его доме и сопровождала его во всех его поездках, она все же держала свою собственную квартирку в более скромном районе Альбукерка. Ее «квартирка» была полусферой окаменелого полиуретана, стоящей на геодезической раме из дешевого алюминия, и все это стояло, как переросший, беловатый гриб на участке с помидорной грядкой в совсем неподходящем, юго-западном районе города.

Интерьер дома-купола Абцуг сверкал, как внутренность поллой секреции, или жеоды, от множества свисающих с потолка электрических светильников и серебристых абстрактных конструкций, сделанных из перфорированных жестяных консервных банок № 8, и хрустальных гроздьев зеркал и безделушек, прикрепленных на равных расстояниях по всей

вогнутой поверхности. В солнечные дни ее единственная полупрозрачная стена становилась мерцающей и теплой, наполняя всю ее чувственной радостью. Рядом с ее кроватью королевских размеров стояла этажерка, нагруженная стандартным чтивом хиппи-интеллектуалки, включавшим: полное собрание сочинений Р. Р. Толкиена, книги Карлоса Кастанеды, Германа Гессе, Ричарда Бротигена, «Каталог всей Земли», «И Чинь», «Альманах старого фермера», и «Тибетская книга мертвых». Мудрость Фрица Перлза и проф. Ричарда Альперта, доктора философии, была густо затянута паутиной. Одинокие ухвертки изучали иррациональные узлы Р. Д. Лаинга. Чешуйницы прогрызали свои ходы сквозь холодную философию Р. Вакминстера Фуллера. Она их больше никогда не открывала.

Самым блестящим предметом в доме Абцуг был ум. Она была слишком умна, чтобы долго предаваться каким-нибудь новым увлечениям и причудам, но перепробовала их все. Ее утонченная интеллигентность, которую не могла подавить никакая идея, позволила ей понять, что она стремится не к самосовершенствованию (она себе и так нравилась), а к тому, чтобы делать какое-нибудь доброе дело.

Доктор Сарвис терпеть не мог геодезических куполов. Слишком много провинциальных американцев закапсулировались в этих осевших в землю гигантских мячах для гольфа. Он презирал эти грибковые, абстрактные, враждебные и ненатуральные строения — симптом и символ Пластиковой Чумы, Века Отбросов. Но он любил Бонни Абцуг, несмотря на ее дом. Ненавязчивую, свободную связь — все, что она могла ему предложить — он принимал с благодарностью. Это было не просто лучше, чем ничего, — во многих отношениях это было лучше, чем что бы то ни было другое.

Более того, думала она. Ткань нашей социальной структуры, сказала она, расплзается оттого, что слишком много людей слишком тесно взаимосвязаны и взаимозависимы. Согласен, сказал доктор Сарвис; единственная наша надежда — катастрофа. На том они и остановились; так они и жили вместе — маленькая самоуверенная щепочка — девушка и огромный, аристократичный, неуклюжий мужчина с брюшком, — недели, месяцы, год... Время от времени он снова делал ей предложение, скорее для проформы, чем оттого, что этого требовала его любовь. Что, в конце концов, важнее — брак или любовь? И всегда она отказывала ему, твердо и нежно, — с распахнутыми объятиями, с долгими поцелуями, со своей мягкой, умеренной любовью.

Люби меня слегка, люби меня долго...

Другие мужчины были такие непристойные идиоты. Ее доктор был стареющим ребенком, но он был добрым, щедрым, он действительно нуждался в ней, и когда он бывал с нею, он был действительно здесь, с нею. Большую часть времени. Ей казалось, что он не утаивал ничего. Когда он был с нею.

Уже два года она вот так жила и любила — время от времени. Просто плыла по течению. Миллионы жили так же. Ее немного раздражало то, что она, со своим дипломом по французскому языку, со своим чудесным, здоровым, молодым телом, со своим беспокойным, живым умом, играла такую непритязательную роль — прислуги в офисе и приходящей любовницы одинокого вдовца — не требующую ничего серьезного. Но, думала она, — чего

же я хочу на самом деле? Или кем я хочу быть? Она бросила танцы — эти танцы — поскольку они требовали слишком многого, они требовали почти полной самоотдачи, а она вовсе не хотела отдавать этому себя всю. Самое жестокое искусство. Безусловно, она никогда не смогла бы вернуться в ночной мир кабаре, где все эти детективы полиции нравов, судебные исполнители, парни из студенческих организаций сидели в полумраке со своим кайфом, своим пивом, своей безвольной похотью, блуждая глазами, обламываясь в попытках заглянуть ей между ног.

Что же тогда? Материнский инстинкт, как ей казалось, что-то не проявлялся в ней, если не считать роли матери по отношению к мужчине, достаточно старому, чтобы быть ее отцом. Конфликт поколений? Или наоборот? Похититель детей? Кто же из нас похититель детей? Я — похититель детей; он переживает свое второе детство.

Большую часть своего дома она оборудовала сама, прибегнув только к помощи сантехника и электрика. Вечером накануне вселения в эту штуку она провела церемонию освящения дома, «воспевание».

Вместе с друзьями они сели вокруг зажженной маленькой мазутной лампы. Они скрестили клеверным узлом свои длинные, нескладные ноги подлинных американцев, приняв позу лотоса. Затем эти шестеро американцев среднего класса, выпускников колледжей, сидя под ультрасовременной конструкцией двадцать первого века из застывшей пластмассовой пены озвучили серию древних восточных мантр, от которых давным-давно отказались образованные люди тех стран, в которых они появились. «Ом», — тянули они нараспев. Оммм. Ом мани падма оммм...».

Или, как любил говорить Док Сарвис, «Ом, добрый Ом: пусть всегда будет так славно...», и он повесил на вогнутую стену ее дома образец вышивки такого содержания: «Боже, благослови наш счастливый дом».

Но он нечасто бывал там. Когда она была не с ним — у него дома или в их частых поездках, она жила сама в своем грибе. Одна, со своим котом, ухаживая за домашними растениями в горшочках, за помидорной грядкой во дворе, расчесывая свои прелестные волосы, слушая магнитофон, вытирая пыль со своих нечитанных и нечитабельных книг, поднимая свое милое и страстное лицо к неслышимому хоралу солнца, она плыла по течению через свое время, через пространство, через всю сложную систему клеток ее еще только раскрывающегося «я». Куда теперь, Абцуг? Вам уже двадцать восемь с половиной, Абцуг!

Для разнообразия она стала ездить с добрым доктором в его ночные рейды, осуществляя его проекты облагораживания окрестностей, помогая ему в начале в качестве водителя и караульного. Когда им надоели поджоги, она научилась держать один конец поперечной пилы. Она научилась заносить топор и правильно делать зарубки на опорных столбах рекламных щитов так, чтобы валить их в любом желаемом направлении.

Когда доктор приобрел легкую цепную пилу МакКаллоч, она научилась работать и ею; она научилась заводить ее, и смазывать, и заправлять горючим, и налаживать ее, когда она

становилась слишком тугой или слишком свободной. С помощью этого удобного орудия они могли успеть сделать гораздо больше в ограниченный отрезок времени, хотя при этом, с другой стороны, возникали экологические вопросы, — что бы это ни означало, — о шумовых загрязнениях и загрязнении воздуха, об излишнем потреблении металла и энергии. Бесконечно ветвящиеся вопросы ...

— Нет, — сказал доктор. — Забудем обо всем этом. Наш долг — ломать рекламные щиты.

И они продолжали свое дело, таясь в ночи, мрачный черный Линкольн с серебристой..... на водительских правах, большая машина, стоящая с работающим двигателем на темных объездных дорогах неподалеку от крупных автомагистралей, огромный мужчина и невысокая женщина. Они перелезали через заборы, шаркали по зарослям бурьяна, со своей цепной пилой и канистрой с бензином. Их фигуры и запах стали знакомы сусликам и филинам, а для агентов наружной рекламы и Особого отряда по расследованию преступлений управления шерифа округа Берналийо — серьезной, раздражающей головоломкой.

Кто-то же должен был это делать.

Местная пресса поначалу заявляла о бессмысленном вандализме. Потом на некоторое время такие случаи стали просто замалчиваться на том основании, что сообщения о них будут только вдохновлять других вандалов. Но по мере того, как рекламные агенты, полицейские патрули на автотрассах и шерифы округа убеждались в том, что нападения на частную собственность продолжаются, причем цель их всегда одна и та же, комментарии возобновились с новой силой.

Фотографии и рассказы начали появляться в «Журнале» (Альбукерк), «Мексиканце» (Санта Фе), «Новостях» (Таос), «Горне» (Белен). Шериф округа Берналийо отверг сообщение о том, что он, якобы, назначил специального детектива, чтобы он детально расследовал эту проблему. Агентства наружной рекламы в ответах на интервью заявляли об «обычных преступниках».

В почте официальных лиц города и графства появились анонимные письма, требующие признать эти действия преступлениями. В газетных статьях появились «организованные банды активистов охраны природы» — термин, который вскоре сократился до «эко-рейдеров». Адвокаты округа предупреждали, что злоумышленники, будучи пойманы, получат максимальную меру наказания, предусмотренную законом. В колонках «Письма в редакцию» появились вульгарные письма — как за, так и против.

Док Сарвис, ликуя, хихикал под маской, зашивая чей-то желтый живот. Девушка тешилась, читая, улыбаясь, газеты вечером у камина. Все это было похоже на праздник Хэллоуина, длящийся круглый год. Вот это было стоящее дело. Впервые за все эти годы мисс Абцуг ощутила в своем холодном сердце чувство, именуемое восторгом. Она сызнава узнавала вкус полного удовлетворения от хорошо выполненной работы.

Рекламные агентства строили диаграммы и планы, подсчитывали затраты, разрабатывали новый дизайн, заказывали новые материалы. Шли разговоры о том, чтобы подключить ток к

опорным стойкам, настроить огнестрельное оружие, поставить вооруженных охранников, об оплате деятельности «комитетов бдительности». Но рекламные щиты стояли вдоль всех автомагистралей — на сотни миль — по всему штату Нью-Мексико. Никто не смог бы предугадать, где и когда преступники появятся в следующий раз; хоть ставь охранников у каждого щита. Начали постепенно переходить на сталь. Дополнительные расходы, конечно, лягут на потребителей.

Однажды ночью они выехали — Бонни и Док — на север, далеко от города, чтобы опрокинуть щит, намеченный ими уже несколько недель назад. Они оставили машину подальше от автострады, в тупике, и прошли полмили пешком до своей цели. Обычная предосторожность. Как правило, он нес цепную пилу, а она шла впереди (она лучше видела в темноте). Они шли вдоль ограды справа от дороги, спотыкаясь в темноте, поскольку путь им освещали только звезды — никаким другим светом они не пользовались. Машины свистели мимо них по четырехполосной магистрали, как всегда, на сумасшедшей скорости, безразличные ко всему, кроме необходимости мчаться как можно скорее, быть где-то там, где-нибудь, везде. Каждая прокладывала в темноте свой собственный туннель света.

Бонни и Док относились с полным равнодушием ко всему этому фанатичному движению, игнорировали человеческие умы и тела, проносящиеся мимо них, не обращая на них никакого внимания, — зачем? Они работали.

Они подошли к своей цели. Она выглядела такой же, как и прежде.

ВИД НА ГОРЫ ИЗ ПОМЕСТЬЯ РАНШЕТТ

ЗАВТРАШНИЙ НОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ — СЕГОДНЯ

Корпорация землеустройства и застройки «Горизонт».

— Красиво, — сказала она, опираясь на Дока, как на опорную стойку.

— Красиво, — согласился он. Отдохнув минутку, он положил свою пилу, стал на колени, повернул выключатель, установил заслонку, схватил дроссель и сильно дернул приводной шнур. Маленький моторчик ожил и зажужжал, потрескивая, заставляя цепь плясать в своей канавке. Он встал с вибрирующим инструментом в руках, с нетерпеливой жадой разрушения. Нажав кнопку масленки, Док смазал двигатель и шагнул к ближайшей вертикальной опоре рекламного щита.

— Погоди, — сказала Бонни. Она опиралась на средний столб, постукивая по нему костяшками пальцев. — Погоди минутку.

Он не слышал ее. Сжимая дроссель, он приставил полотно пилы к опорному столбу. Пила отскочила с визгом стали о сталь, высекая сноп искр. Док на мгновение онемел, не в силах осознать то, что он увидел и услышал. Затем он заглушил мотор.

Благословенная тишина в ночи. Они уставились друг на друга — лица, бледные в темноте.

— Док, — сказала она, — я же просила тебя подождать.

— Сталь, — сказал он. Он удивленно провел рукой по столбу, ударил по нему своим большим кулаком. — Вот что это такое.

Они ждали. Они думали.

Помолчав, она сказала: — Знаешь, что я хочу на день рождения?

— Что?

— Я хочу ацетиленовую горелку. С защитными очками.

— Когда?

— Завтра.

— Завтра еще не твой день рождения.

— И что?

В следующую же ночь они вернулись на то же место, к тому же щиту, на этот раз оснащенные надлежащим образом. Ацетиленовая горелка работала отлично, мощное голубое пламя лизало сталь бесшумно и яростно, проделявая в ней уродливый раскаленно-красный разрыв. Но яркое пламя в темноте казалось слишком уж подозрительным. Док опустил горелку к подножию центрального столба, в самый низ, к тому месту, где он возникал из каменистой почвы пустыни, вниз, к кустарникам, хвощу и перекати-полю. Но даже и тогда пламя казалось слишком явным. Бонни распахнула полы своего пальто, стараясь прикрыть его от проезжающего транспорта. Казалось, никто ничего не замечал. Никто не останавливался. Небрежные авто, завывающие грузовики, — все пролетали мимо со страшным свистом резины, сумасшедшим ревом двигателей, уносясь в черное равнодушие ночи.

Горелка была безотказной, но медленной. Молекулы стали освобождали свои связи друг с другом так болезненно, так неохотно, не желая расставаться. Красная рана расширялась медленно, медленно, даже несмотря на то, что, как можно было ожидать, столб был пустотелым.

Горелка была медленной, но безотказной. Док и девушка работали упорно, сменяя друг друга время от времени. Терпение, терпение. Толстостенная стальная опора начала поддаваться огню. Прогресс становился все более заметным. Очевидным. Конечным.

Док погасил горелку, снял очки, вытер вспотевшую бровь. Желанная темнота сомкнулась вокруг них.

— Теперь она пойдет, — сказал он.

Центральный столб был перерезан полностью, а наружные — на две трети диаметра. Большой щит держался, главным образом, за счет собственного веса, угрожающе балансируя. Он покачивался от легкого южного ветерка. Ребенок мог бы повалить его. В пределах его гравитационного пространственно-временного континуума судьба щита была решена, и решение обжалованию не подлежало. Кривая его возвращения на землю могла быть рассчитана с допустимой погрешностью в три миллиметра.

Они смаковали это мгновение. Достоинства и внутренние ценности, присущие свободному и стоящему начинанию. Дух Сэма Гомперса улыбался их трудам.

— Толкни ее, — сказал он.

— Нет, ты, — сказала она. — Ты сделал большую часть работы.

— Это твой день рождения.

Бонни положила свои маленькие смуглые руки на нижний край щита над ее головой, до которого она едва могла дотянуться, — и налегла. Щит — тонн пять стали, дерева, краски, болтов и гаек, — издал короткий стон протеста и начал медленно крениться. Порыв ветра, затем громовое столкновение щита с землей, раскатистый грохот металла, разрыв, выворачивание болтов, грибовидное облако пыли — и ничего больше. Безразличные машины проезжали мимо — не видя, не слыша, не беспокоясь.

Они праздновали во вращающемся ресторане «Поднебесный гриль».

Она сказала:

— Я хочу обед, как на День Благодарения.

— Но сегодня не День Благодарения.

— Раз я хочу обед, как на День Благодарения, значит, сегодня должен быть День Благодарения.

— Звучит логично.

— Зови официанта.

— Он нам не поверит.

— Мы постараемся его убедить.

Они его убедили. Появилась еда, и вино тоже. Они ели, он наливал, они пили, час медленно переходил в вечность. Док говорил.

— Абцуг, — говорил он, — я тебя люблю.

— Сильно?

— Слишком сильно.

— Этого мало.

Чарли Рей, или Рей Чарльз, или еще кто-то с Берега Слоновой Кости играет «В твоих глазах зажигается любовь», пианиссимо. Круглый зал, в десяти этажах над землею, оборачивается со скоростью 0,5 км/час. Всю ночь напролет огни Большого Альбукерка, штат Нью-Мексико, с населением 300 000 душ, сияют внизу, повсюду вокруг них — царство неона, электрических садов вавилонской роскоши, окруженные тайной, темной, невыразительной пустыней, которая никогда не приспособится к городской жизни. Где крадется тощий, голодный койот, никак не желающий вымирать. И скунс. И змея. И жук. И червь.

— Выходи за меня замуж, — сказал он.

— Зачем?

— Не знаю. Мне нравится церемония.

— Зачем нам портить совершенно прекрасные отношения?

— Я одинокий старый средневековый мясник. Мне нужна уверенность. Мне нравится, что люди берут обязательства друг перед другом.

— Вот что они делают, чтобы сводить с ума людей. Ты сумасшедший, Док?

— Я не знаю.

— Пошли спать. Я устала.

— Ты будешь меня любить, когда я стану старым? — спросил он, снова наполняя ее бокал рубиново-красным Ля Таш. — Ты будешь меня любить, когда я стану старым, лысым и толстым импотентом?

— Ты уже и есть старый, лысый и толстый импотент.

— Но богатый, не забывай. Ты бы все равно любила меня, если бы я был беден?

— Вряд ли.

— Старая развалина, пропойца, заросший щетиной, роющийся в баках с отбросами на Первой Южной улице, облаиваемый маленькими злобными шавками, преследуемый полицией?

— Нет.

— Нет? — Он взял ее руку, левую, лежавшую на столе. Серебро с бирюзой богато сверкали на ее изящном запястье. Они любили индийские драгоценности. Они улыбались друг другу в неустойчивом свете свечей в большом круглом зале, который вращался на рельсовых направляющих, медленно, круг, и снова круг, над городом завтрашнего дня сегодня.

Добрый старый Док. Она знала каждую шишку, каждую вмятинку на его выпуклом черепе, каждую веснушку на его загорелой макушке, каждую отдельную морщинку на той карте почти пятидесяти лет, которую они договорились называть — совместно — лицом доктора Сарвиса. Она понимала его томление очень хорошо. Она помогала ему всем, чем могла.

Они пошли домой, в дом Дока — старое величественное здание знаменитого архитектора Ф. Л. Райта у подножия холмов. Док пошел наверх. Она положила стопку кассет (своих собственных) на вращающийся столик с квадрофоническим магнитофоном (его). Из четырех усилителей полился тяжелый бит, биение электронного пульса, стилизованные голоса четырех молодых дегенератов объединились в песне: какая-то группа — Конки, Скарабеи, Злобные Покойники, Зеленая Ветка — зашибающая миллиона два в год.

Док спустился к ней в халате. — опять ты играешь эту чертову имитацию негритянской музыки?

— Она мне нравится.

— Эта музыка рабов?

— Некоторым людям она нравится.

— Кому?

— Всем моим знакомым, кроме тебя.

— Вредно для растений, ты знаешь. Убивает герани.

— О, Господи. Ну, ладно, — она простонала и сменила программу.

Они пошли спать. Снизу доносилась сдержанная, благородная светская и меланхолическая музыка Моцарта.

— Ты уже слишком взрослая для этого шума, — говорил он. — Этих мелодий для несовершеннолетних. Этой музыкальной жвачки. Ты уже совсем взрослая девочка.

— А я ее люблю.

— Вот я уйду утром на работу, и тогда — пожалуйста, ладно? Можешь играть ее хоть целый день, если хочешь, ладно?

— Это твой дом, Док.

— И твой тоже. Но мы должны считаться с домашними растениями.

Через застекленную створчатую дверь спальни, открытую на веранду второго этажа, они видели вдаль, на расстоянии нескольких миль, зарево большого города. Аэропланы, неслышимые на таком расстоянии, снижались медленными, беззвучными кругами в его сиянии, как ночные бабочки, летящие на огонь. Высокие лучи прожекторов пронизывали бархат ночного неба, прощупывая облака.

Он обнял ее; она сонно пошевелилась в его руках, ожидая. Они занялись любовью, и это отняло довольно много времени.

— Когда-то делал это всю ночь напролет, — сказал Док, — а теперь требуется вся ночь, чтобы сделать это.

— Ты медленно запрягаешь, — сказала она. — Но всегда добираешься, куда нужно.

Некоторое время они отдыхали. — Как насчет путешествия по реке? — спросил он.

— Ты обещаешь его вот уж несколько месяцев.

— Теперь я серьезно.

— Когда?

— Очень скоро.

— Почему ты об этом вспомнил?

— Я слышу зов реки.

— Это унитаз, — сказала она. — Опять клапан заело.

Она была еще и отличным ходоком, эта девчонка. В сапогах с ушками, армейской рубашке, плотных шортах и рейнджерской шляпе с полями, она отправлялась одна и шагала по горам, по единственному горному хребту Альбукерка — розовым Сандиа, или предпринимала долгие прогулки пешком по вулканам к западу от города. У нее не было машины, на своем велосипеде с десятью скоростями она иной раз без усталости жала на педали все пятьдесят миль до самого Санта Фе, с рюкзаком на узкой спине, а оттуда — вверх к настоящим горам — Сангре де Кристо (Кровь Христова). Доехав до конца мощеной дороги, она шла дальше пешком, подымалась на вершины — Лысую, Тручас, Коренную — ночуя в палатке по две-три ночи подряд в полном одиночестве. Бывало, черный медведь бродил вокруг, обнюхивая ее утлую палатку, а невдалеке завывали горные львы.

Она искала. Она охотилась. Она спешила на гребень хребта в ожидании видения, и потом снова спешила туда же, и спустя некоторое время Бог явился ей в образе жареного голубя на большом плоском блюде с белыми бумажными ботиночками на ножках.

Док продолжал таинственно говорить что-то о реке. О Большом Каньоне. О месте, именуемом Лиз Ферри и о речном гиде по имени Редкий Г. Смит.

— Когда угодно, — сказала она.

Тем временем они продолжали резать, поджигать, валить, уродовать и обезобразивать рекламные щиты.

— Детские игрушки, — жаловался любезный доктор. — Мы предназначены для чего-то большего. Знала ли ты, моя милая, что у нас самый большой карьер в Соединенных Штатах — там, у Шипрока? Прямо здесь, в Нью-Мексико, в Земле Обетованной? Думала ли ты когда-нибудь, откуда берется весь этот смог, что окутывает всю чертову долину Рио Гранде? Долину «великой реки» Поля Хоргана — канализованной, организованной, оплаченной и оплаканной, тонкими струйками текущей по хлопковым полям под сернистым небом Нью-Мексико? Знала ли ты, что консорциум энергетических компаний и государственные агентства тайно замышляют разрабатывать новые карьеры и строить новые тепловые электростанции на угле в той самой зоне четырех углов, откуда уже теперь приходит вся эта мерзость? Вместе с новыми дорогами, линиями электропередач, железными дорогами и трубопроводами? И все на когда-то почти девственной земле с нетронутой природой, которая и сейчас еще представляет собою самый живописный ландшафт, какого не найдешь ни в одном из всех этих чертовых сорока восьми соединенных штатах. Ты знала это?

— И я была когда-то почти девственной—, - сказала она.

— Ты знала, что другие энергетические компании и те же государственные агентства планируют кое-что еще хуже в зоне Вайоминг-Монтана? Открытые разработки еще масштабнее тех, что опустошили Аппалачи? Ты думала когда-нибудь о ядерном оружии? Реакторах для воспроизводства ядерного топлива? О стронции, плутонии? Ты знала, что нефтяные компании готовятся распотрошить огромные территории в Юте и Колорадо в поисках нефти в нефтеносных глинистых сланцах? Тебе известно, что творят в наших лесах крупные лесозаготовительные компании? Что творят с нашими реками и ручьями Инженерный корпус и Бюро мелиорации? Лесничество и егеря — с нашими дикими животными? Ты понимаешь, что творят застройщики с теми открытыми просторами, что еще пока сохранились свободными? Ты знаешь, что Альбукерк — Санта Фе — Таос скоро станут одним огромным обнаженным городом? И Таксон — Феникс? Сиэтл — Портленд? Сан-Диего — Санта Барбара? Майами — Сан-Августин? Балтимор — Бостон? Форт Ворт...

— Они пока еще далеко от тебя, — сказала она. — Не паникуй, Док.

— Паникуй? Царство Пана? Пан поднимется снова, моя дорогая. Великий славный бог Пан.

— Ницше сказал — Бог мертв.

— Я говорю про Пана. Моего Бога.

— Бог мертв.

— Мой Бог жив и здоров. Жаль мне твоего.

— Мне надоело, — сказала она. — Скажи что-нибудь интересное.

— Как насчет путешествия по реке?

— По какой?

— Вниз по той самой реке, через Божье Ущелье на резиновой лодке с красивым волосатым потным проводником, который уже ждет тебя — не дождется!

Бонни пожала плечами. — Так чего же мы ждем?

Версия #1

Зверобой создал 22 апреля 2025 03:57:54

Зверобой обновил 22 апреля 2025 03:58:15